

ОБ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ИДЕОБАЛЛИЯ, СООБЩЕСТВО,
ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ШКОЛА, ХАРИЗМА, ИДЕОЛОГИЯ

А.СОСЛАНД

В статье вводится в оборот концепт, обозначенный автором термином «идеобаллия», описывающий процессы производства идеологии и ее распространения как единое целое. Кроме того, обсуждается целый ряд родственных концептов, которые соединены определенной дискурсивной стратегией. Рассматривается также специфика такого образования, как «идеобаллическое сообщество». С помощью концептов, которыми оперирует автор, становится возможным прояснить, в частности, многое из того, что относится к жизни психотерапевтического сообщества. Другая интенция текста – встроить жизнь психотерапевтического сообщества в более широкий контекст.

Идеология и «идеобаллия»

Концепт «идеология» имеет столь широкое хождение, что разговор о нем приходится начинать с обзора, объединяющего в себе различное понимание этого предмета. Вот что мы читаем в тексте А.Зорина:

« ...английский марксист Терри Иглтон открывает свою книгу перечнем из шестнадцати определений идеологии, почти наугад извлеченных из работ последних лет, и столь же произвольно оборванным. Список этот достаточно показателен, чтобы его привести:

- процесс производства значений, знаков и ценностей в общественной жизни;
- корпус идей, характеризующий определенную социальную группу или класс;
- идеи, способствующие легитимации господствующего политического порядка;
- ложные идеи, способствующие легитимации господствующего политического порядка;
- систематически искажаемая коммуникация;
- то, что позволяет субъекту принять определенную точку зрения;
- мыслительные формы, мотивированные социальными интересами;
- конструирование идентичности;

- социально необходимые заблуждения;
- сочетание дискурса и власти;
- среда, в которой социально активные субъекты осмысляют мир;
- набор убеждений, программирующих социальное действие;
- семиотическое завершение;
- необходимая среда, в которой индивиды проживают свои отношения с социальными структурами;
- процесс, благодаря которому социальные отношения предстают в качестве естественной реальности» (Зорин, 1998).

Когда заходит речь об идеологии, вообще и в частности, мы сталкиваемся с одним и тем же противоречием: речь идет о дискурсе, отражающем определенные интересы, в то время как путь к реализации этих интересов остается едва намеченным.

Ясно, что без такого компонента, как экспансия, идеология теряет свой смысл. Она, собственно, создана для того, чтобы распространяться. Не дело идеологии и тех, кого она объединяет, пребывать в пассивном состоянии. Идеология является не только интеллектуальным построением, но и энергетическим импульсом. Она не замкнута в пространстве изолированного индивида, но существует в интерперсональном диалогическом режиме. Мы убеждены, что необходим концепт, который объединил бы как производство идеологии, так и ее распространение в единый процесс.

Итак, *идеобаллия* (*idea* – др. греч.: общее свойство, идея, начало, основание, принцип; *ballo* – др. греч.: бросать, кидать, метать) – деятельность, соединяющая в себе оба значения: и производство идеи, и ее распространение в коммуникативном пространстве.

Мы полагаем, что идеобаллия как род деятельности обеспечена соответствующей мотивацией. Эта мотивация весьма основательно фундирована. Ясно, что всякий стремится легитимировать свои склонности, предпочтения, действия. Всякий склонен включить их в крупномасштабный экзистенциальный контекст. Всякий желает рекрутировать в пространство своей идеологии еще кого-нибудь. Так что страсть создавать идеологии – психологически вполне понятное дело. Подобным образом создается повод для gratification целого ряда потребностей.

И вот нам, соответственно, – *идеобаллическая мотивация* (далее *ИМ*). Она определяется именно единством производства идеи и ее распространения, начиная от «мелкомасштабных» индивидуальных принципов вплоть до крупномасштабных идеологий. Ясно, что эти два процесса связаны друг с другом неразрывно. Легитимация любой идеи ставит ее в положение некоего правила, которое годится, как минимум, более чем только для одного автора идеи (или ее транслятора).

Мы расширяем идеобаллию за пределы традиционного, социологически ориентированного понятия идеологии (см. вышеприведенные определения), связывая ее отчасти и с психологическим дискурсом.

У Ж.Бодрийара мы читаем: «...соблазн представляет господство над символической вселенной, в то время как власть – всего лишь господство над реальной» (*Бодрийар*, 2000, с.36). Ясно, что это противопоставление в значительной степени – искусственное: власть над реальным и символическим постоянно пересекаются, взаимодействуют, перетекают друг в друга. Обсуждаемый здесь концепт, собственно, и есть нечто такое, что связывает эти две вселенные – символическую и реальную – воедино.

Как уже сказано, идеобаллическая мотивация реализуется в стремлении личности включить Другого в пространство собственной идеологии, а лучше всего – других, причем количество этих «других» в идеале стремится к большим числам. На основе вышесказанного уже ясно, что *ИМ* состоит из трех основных моментов: *производство идеологии, распространение* ее в пространстве, *рекрутирование* максимального количества последователей данной идеологии. Мы уверены, что ведем речь о весьма распространенном феномене, существующем в социальном пространстве повсеместно.

Конечно, всякий идеобаллический проект – это проект властный. Есть две возможности развить этот тезис. Можно сделать упор на содержательную часть идеологии, а можно – на экспансионистскую. Вместо того чтобы заниматься непродуктивным анализом, что чему предшествует, идея ли властному стремлению или наоборот, мы разумно предпочли синтетический теоретический ход, объединив обе части этого процесса в одном «зонтичном» концепте. Зонтичный концепт, как ясно из названия, объединяет разрозненные положения, формируя из них более сложное и богатое образование с серьезным объяснительным потенциалом.

Пространственная структура идеобаллического движения носит своего рода центробежный характер. Двигаясь от некоего экзистенциального центра к периферии, идеобаллия стремится к расширению границ источника идеологического дискурса. При этом существование границ необходимо, ибо ими отделяется пространство одной идеологии от другой, враждебной или же конкурентной.

Уровни функционирования

Существует несколько *уровней функционирования* идеобаллии. В первую очередь – это уровень *индивидуальный*, т.е. набор правил и принципов, которыми тот или иной человек руководствуется в жизни. То, что идеология может быть ограничена всего лишь одним индивидом, разумеется, при ближайшем рассмотрении оказывается иллюзией. Невозможно представить себе, чтобы человек, формулирующий некую систему идей и принци-

пов добровольно, так сказать, в здравом уме и твердой памяти, предназначал ее лишь для себя одного. Речь в этом – печальном, по правде сказать, случае, – идет или о том, что идеология чересчур маргинальна, или что по каким-то иным соображениям ее невозможно предложить другим.

Другой уровень – *микросоциальный*. Идеология может ограничиваться пространством малой группы – семьи, школьного класса или уличной банды. Здесь важно то, что пространство функционирования идеологии заранее ограничено и не допускает возможности расширения. Этот уровень, что и говорить, тоже невелик. Достойный производитель идеологии в его пространстве просто задохнется.

И, наконец, *макросоциальный* уровень. Идеологии большого стиля, функционирующие на этом уровне, широко известны и, собственно, должны были бы стать предметом изучения «*идеологологии*», науки по исследованию идеологии, которая, конечно, существует уже давно и долго томится, ожидая, кто бы ей дал, наконец, достойное имя, и сформировал бы вразумительный концептуальный аппарат.

Идеобаллическая мотивация лежит в основе множества гуманитарных практик. Однако это производство не является универсальным для всех гуманитарных наук. *ИМ* лежит в основе гуманитарии, связанной с экзистенциальными факторами, социальными, личностными и т.п. Она лишь в небольшой степени реализуется в академической психологии, но очень сильно – в психотерапии. *ИМ* мало реализуется в лингвистике, но очень сильно – в философии. Недостаточно реализуется в естественных науках, но очень сильно – в религии. Короче говоря, идеобаллия не касается сферы технических средств, но встроена в дискурс больших экзистенциальных целей.

Очень плохо обстоит дело с реализацией *ИМ*. Понятно, что идеобаллия не производит просто научные теории. Основное в ней – формирование смыслов и ценностей для возможной идеологической паствы.

Вот как пишет М.Мамардашвили с соавторами относительно позиции философа: «Классическим философским учениям была в той или иной степени свойственна просветительская, миссионерская установка. Их автор чувствовал себя монопольным обладателем истинных очевидностей, которые он должен был донести до неразвитой, ограниченной массы, погруженной в мирские тревоги и заботы» (*Мамардашвили*, 1972, с.57). Распространение идеологии предполагает существование тех, кто ею пока что не охвачен. Собственно, идеобаллия не может рассматриваться только как синхронический феномен, это – процесс со своей динамикой и направленностью.

Речь идет о процессе, протяженном во времени, обладающем своими этапами, фазами и пр.

Идеобаллия легитимирована некими вызовами. Идеология не существует ради себя самой. Можно предположить, что *ИМ* ищет вызовы, для того, чтобы поддержать собственное существование. Речь тут может идти даже о своего рода идеобаллической паранойе. Ну и, конечно, под теорию отыскиваются практики, которые ее сохраняют и расширяют.

Пространственная структура идеобаллического движения носит, так сказать, центробежный характер. Двигаясь от некоего экзистенциального центра к периферии, идеобаллия стремится к разрыву границы, отделяющей внутреннее пространство личности от внешнего.

ИМ можно разделить на более мелкие, *идеобаллические субмотивации*. Их удовлетворение может выглядеть следующим образом:

- узаконить собственные склонности и предпочтения;
- занять позицию;
- высказать свое отношение к чему бы то ни было;
- продемонстрировать себя;
- получить признание в этом качестве;
- победить противника;
- создать пространство безопасного существования своей идеологии.

Идеологофобия

Взаимоотношения индивида с идеологией могут носить различный характер. По отношению к ней автор и транслятор могут находиться на различных дистанциях и в разных позициях, при этом, так или иначе, безусловно, идентифицируя себя с нею, полностью или частично. Реципиент идеологического послания, однако, может разным образом ему сопротивляться. Идеологию можно разделять, но при этом от нее дистанцироваться, оговаривая как-то свое стороннее отношение. Можно от нее пассивно отгораживаться. Можно активно ей противостоять с любой степенью жесткости, в том числе и занимая активную антагонистическую позицию (или формируя ее).

При этом можно негативно относиться к идеологии как таковой. Сам по себе факт наличия идеологии как формы организации дискурсивного и социального поведения может вызывать отторжение по вполне понятным соображениям:

1. Идеология как некая устойчивая система концептов, образов, принципов противопоставляет себя естественной спонтанности живой жизни, ограничивает ее многообразие и стремление человека к свободе.

2. При любом раскладе идеология описывает реальность весьма приблизительно и односторонне. Моноидеологическое описание может ограничивать непредвзятый, многосторонний, реалистический взгляд на вещи.

3. Ограниченность идеологии существует не только на описательно-аналитическом уровне, но и на прагматическом. Идеологически ангажированный автор, скорее всего, предлагает односторонне-ограниченные пути выхода из создавшегося положения.

4. Идеология требует жертв и усилий, связана, так или иначе, с ограничениями гедонистического характера.

5. Почти неизбежно связана с агрессивностью. В процессе идеологической экспансии может иметь место определенный экстремизм.

6. Всегда создает иерархию внутри идеологического сообщества, причем часто отмечается зазор между идеологическими требованиями и реальностью тех, кто требует исполнения этих требований.

Перечисленные моменты создают и поддерживают то, что мы здесь обозначаем *идеологофобией*. Отсюда следует, что авторы претендующих на привлекательность идеологических построений должны все это учитывать. Включать в себя рефлексию по данному поводу, можно, например, парадоксально отрицая идеологический статус собственной идеологии. Ж.-Ф.Лиотаром (*Лиотар*, 1998) описан процесс, происходящий в современном гуманитарном знании, – утрата влияния старых метанарративов (читай: идеологий). Нетрудно предположить, что важную роль в этом феномене делегитимации сыграла именно идеологофобия.

Идеобаллия в науке

В интересной работе В.Беляева (*Беляев*, 2002) сфера науки представлена в виде поля борьбы за некие «вненаучные» результаты. Наука рассматривается «как способ решения человеком своих задач как человека» (*там же*, с.6). Очень многое из того, что происходит в научном сообществе и совершается как бы в режиме научной полемики, связано, скорее, с феноменами групповой динамики, нежели с интересами науки как таковой. Описывая интерперсональную ситуацию в научном сообществе, В.Беляев выделяет следующие виды борьбы:

«Борьба за самообоснование. Она является следствием того, что наука представляет собой поле, в котором личности и социальные группы могут располагать свое существование. Каждый, строящий свой мир в поле науки, борется за возможность обосноваться там» (*там же*, с.7).

Речь идет о феноменах, всем и давно очевидных: научный мир есть пространство интенсивной групповой динамики. Научные результаты, данные исследований и т.д. служат регуляторами этой динамики. Групповая динамика формируется интересами присутствия и влияния, борьбы за превосходство и лидерство. Без понимания этих обстоятельств многое в жизни научного сообщества окажется непонятным.

Отвоевав себе пространство, ученый ввязывается и в иные виды борьбы:

«Борьба за идентичность. Она является следствием того, что наука не представляет из себя того поля, в которое человек может перейти полностью. Поэтому осознание принадлежности себя к другим полям существования делает неизбежным переходы от полей "не науки" к полю науки и обратно» (там же).

Идентичность, индивидуальная и групповая, оказывает существенное влияние на взгляды ученого, его положение в сообществе, разделение этого сообщества на «свое» и «чужое». Фиксация идентичности может привести к формированию строгих дискурсивных рамок, являющихся одновременно идентификационными признаками («я из этой школы»).

Интересы научной группы, с которой ты себя отождествляешь, – один из сильных аспектов идеобаллической мотивации.

«Борьба за коммуникативное пространство. Она является следствием того, что наука представляет собой поле, в котором одновременно создаются миры разных личностей и социальных групп. Каждый, строящий свой мир, борется за обладание этим полем» (там же).

«Борьба за пространство культуры. Этот вид борьбы является следствием того, что наука есть определенный способ организации культуры, и возможно стремление сделать ее фундаментом культуры в целом, если верить в необходимость этого» (там же).

Эти два тезиса в комментариях не нуждаются. Они вытекают естественным образом из предыдущих.

Здесь важно отметить, что в мире естественных и точных наук такого рода бойцовские аспекты смягчены вполне понятными обстоятельствами. Верифицируемость данных, их экспериментальная воспроизводимость могут поставить точку в любом научном споре. В гуманитарном мире все не так: проблематичность экспериментального подтверждения положений той или иной теории становится условием конкурентно-полемиического сосуществования разных идеологий, школ и пр. Забегая вперед, скажем, что именно трудность верификации данных психотерапевтической работы, не преодоленные пока трудности в области сравнительного анализа существующих психотерапевтических методов делают борьбу за присутствие и влияние в психотерапевтическом мире особенно интенсивной.

Идеобаллия и тоталитаризм

Печальная правда заключается еще и в том, что *ИМ* лучше всего реализуется через тоталитарные властные структуры. Совершенно ясно, что либерализм и политкорректность лишают идеобаллию силы. Множественность идеологий ослабляет энергетическое поле каждой из них.

С другой стороны – появление и распространение идеологии есть реакция на некий кризис. Чем острее кризис, тем сильнее тоталитарная тенденция, тем более насыщенной становится наличие идеологии для группы, находящейся в состоянии кризиса.

Разумеется, эти обстоятельства вполне могут усиливать негативный образ идеобаллической деятельности как таковой, и тем – провоцировать и углублять идеологофобию. Формируя привлекательный идеобаллический

дискурс, необходимо все это учитывать и включать в его структуру необходимые оговорки, смягчающие все эти, безусловно, нежелательные для субъекта идеобаллической деятельности, обстоятельства. Самая толковая стратегия составления оговорок – ссылки на внешнюю необходимость. Дескать, не ради себя самого идеобаллист осуществляет свою деятельность, а есть сумма обстоятельств, неумолимо подвигающих его к такой деятельности.

Идеобаллическое сообщество

Идеобаллическая мотивация удовлетворяется людьми на протяжении множества веков. На ее фундаменте в обществе сформирован особого рода класс. Давно осуществлена *специализация* идеобаллии и с давних времен существуют *идеобаллические специалисты* – философ, священник, миссионер, политик. Производство идей вместе с их распространением – их главное дело. Существуют также и маргинальные варианты существования идеобаллических персонажей – сектант, революционер, лидер молодежного объединения.

Одно из главных направлений удовлетворения идеобаллической потребности – формирование *идеобаллического сообщества* (далее – *ИС*). Этот вид сообщества существует в различных редакциях, но имеет свои инвариантные свойства.

Итак, для *ИС* типично следующее:

1. *Единая идеология*. Все сообщество безоговорочно (в худшем случае, с мелкими поправками) разделяет основные принципы групповой идеологии. Структура этой идеологии должна содержать следующие элементы:

- описание *вызова*, который делает данную идеологию легитимной;
- представление *экзистенциального врага*, что может быть включено в структуру вызова;
- создание *ответа*, даваемого этой идеологией на вызов: ответ должен быть представлен и как некий проект, и как практика;
- начертание *плана действий*, программы, обеспечивающей реализацию ответа.

2. Зачастую *ИС* формируется вокруг некоей *харизматической личности*. Идея отождествляется с реальным персонажем и идеобаллическое сообщество формируется вокруг обоих сплачивающих факторов – идеологического и личностного. Харизматическое влияние, о котором мы много писали (см. *Сосланд*, 1997, 1999), воспринимается многими как проявление некоего магического влияния, транслируемого посредством образа некой личности (так называемое обаяние). На самом деле, харизма – это способ продвижения идеи в массы, средство реализации идеобаллической мотивации

в обществе. Харизматическая позиция всегда предполагает сочетание идеологического и организационного лидерства.

3. В продвинутых *ИС* зачастую принимаются определенные *этические и дисциплинарные кодексы*. Свод предписаний и запретов формируется для поддержания жизнестойкости внутри самого сообщества, а также для усиления внешней экспансионистской активности. *ИС* почти всегда противопоставляют себя другим аналогичным сообществам или же враждебному окружению в целом. Этические и дисциплинарные правила легитимированы именно этим обстоятельством. Наличие экзистенциального врага (неважно, реального или воображаемого) способствует процветанию дисциплинарно-репрессивной деятельности.

4. Почти всегда *ИС* демонстрирует тенденцию к *экспансии*. Для них вполне типична деятельность, направленная на распространение идеологии и на расширение круга тех, кто с ней связан. Весьма важной является миссионерская, рекрутирующая работа.

5. Очень часто (хотя далеко не всегда) в *ИС* используются разного рода *экстатические практики*. Транс разного рода – один из важнейших соблазнов подобного рода сообществ. Мы видим глубокий смысл в сходстве аббревиатур *ИС* – идеобаллическое сообщество и *ИСС* – измененное состояние сознания, каким бы случайным оно ни было. Особенно это относится к религиозным и психотерапевтическим типам *ИС* (см. ниже классификацию).

6. Может иметь место всякого рода *идентификационная символика* (гербы и знамена, гимны и ритуалы). Символика может быть непосредственно связана с предыдущим моментом, но главное в ней – сплачивание единомышленников в единый организм, создание эмоционально насыщенной коммуникативной ткани внутри сообщества.

7. Идеология в таком сообществе встроена в структуру *групповой динамики*. Эта групповая динамика, как и в любом сообществе, оказывает решающее влияние на положение дел. Своеобразие *ИС* заключается в том, что внутренняя идеология становится важным фактором групповой динамики. Такие факторы, как верность идеологическим принципам, поддержание их «строгости и чистоты», могут оказывать решающее влияние на иерархию в *ИС*, разделять его на лидеров и маргиналов. Она имеет как выраженный внутренний аспект (отношения между членами *ИС*, иерархическое разделение), так и внешний – отношения с социумом и аналогичными или конкурирующими институтами.

Бонумизация

Тут было бы неплохо ввести в оборот еще один концепт, весьма достойный и при этом лапидарный. Самое простое соображение заключается в том, что деятельность *ИС* направлена на *улучшение* некоторых обстоятельств, признаваемых изначально неудовлетворительными. Политическая партия стремится к улучшению общества, филантропическое объединение – к улучшению нравственности, психотерапевтическая школа – к улучшению душевного здоровья. Именно это тривиальное обстоятельство является для всех *ИС* инвариантным. Именно оно формирует пафос их работы и, разумеется, нуждается в адекватной концептуализации.

Итак, «*бонумизация*» (*bonum* – лат.: добро) – всякого рода глобальный проект социально ориентированного улучшения и деятельность, с ним связанная. Обозначает движение от аксиологически отрицательного к аксиологически положительному полюсу, проще говоря, от «дурного» к «хорошему».

Улучшение происходит всегда через некое преодоление. Возможна, к примеру, внешняя и внутренняя бонумизация. Пример первой – социальная революция, второй – психотерапия. Реализация бонумизационного проекта возможна как через крупномасштабные действия или как результат, к примеру, «проповеди малых дел» в толстовском духе. Известный слоган: «Красота спасет мир», является, таким образом, бонумизационной сентенцией.

Таким образом, мы имеем дело с концептом, который позволяет нам объединить воедино весьма разные, на первый взгляд, практики. Бонумизация придает смысл существованию любой идеологии, делает ее психологически легитимной. В самом деле, невозможно представить себе никакую деятельность вне направленности на некое «улучшение». Простота, даже некоторая тривиальность этого концепта вкупе с определенной оптимистической установкой делают его, на наш взгляд, вполне привлекательным, хотя он, конечно, еще нуждается в дальнейшем развитии.

Классификация ИС

Не составит труда перечислить теперь наиболее распространенные идеобаллические сообщества. Они, собственно, у всех на виду, легко различимы простым мысленным взором.

Итак, это:

1. *Мировые конфессии*, включающие в себя клир и конфессиональную паству.

Здесь речь идет о самых заметных в мировой культуре *ИС*. На примере больших конфессий можно проследить все основные особенности сообществ, о которых идет речь, все основные виды

конфликтов, внутренних и внешних, которые формируют групповую динамику внутри таких сообществ.

2. *Культовые сообщества* (в том числе и так называемые *тоталитарные секты*).

Эта сфера маргинальной культуры имеет часто широкий общественный резонанс ввиду активной рекрутирующей политики, ей присущей, противопоставления себя общественным институтам, а также активного противодействия со стороны традиционных конфессий. Однако, в сущности, они мало чем отличаются от больших религий, особенно на ранних этапах их существования. Именно по причине этой схожести (секты – своего рода пародии на мировые религии) они и вызывают на себя интенсивную агрессию традиционалистской части социального спектра.

3. *Эстетические объединения*.

Они провозглашают обычно свое появление на свет манифестом. Это может быть литературное направление – символисты, имажинисты, обэриуты, Серапионовы братья, дадаисты. Музыкальное объединение – русская «Могучая кучка», парижская «шестерка». МХАТ в свой ранний период, театр В.Мейерхольда, театр на Таганке Ю.Любимова. Кинематографические объединения вроде группы «Cahiers du cinéma» на рубеже 50-х – 60-х, скандинавской «Догмы». Манифест, провозглашающий появление нового направления, встраивает его в определенный социально-политический контекст. Провозглашаются обычно не просто новые эстетические принципы, но и указывается вызов, который размещается в крупно объемном социальном пространстве. Здесь важно отметить, что идеобаллическая деятельность в этих случаях носит как бы подчиненный характер. Все же самое важное в деятельности этих объединений – художественные практики, производство арт-объектов. Идеология не является здесь самоценной, и, естественно, ей уделяется не столь интенсивное внимание, как в «чистых» идеобаллических сообществах (религиозных, философских, политических, социальных).

4. *Политические партии* (в зародыше – *революционные ячейки*).

Путь от узкого круга заговорщиков, расклейщиков листовок и бомбистов до крупной политической силы, берущей на себя ответственность за судьбу целой страны, – известный сюжет. При этом ясно, что любое – квази-эдиповское – стремление к бунту должно, так или иначе, быть легитимировано неким значимым кругом идей. В политической идеологии, как правило, весьма подчеркнута роль «экзистенциального врага».

5. *Психотерапевтические школы* (см. Сосланд, 1999). Речь об этом пойдет ниже.

6. Так называемые *неформальные молодежные объединения* – хиппи, панки, скинхэды.

«Возрастной» контекст этих объединений минимизирует удельный объем идеологически ориентированной деятельности. При этом достаточно серьезное внимание уделено акциям, призванным привлечь к ним скандальное внимание, равно как и эпатажирующей демонстративности во внешнем облике. «Философия» уступает здесь «спектаклю», хотя ясно, что бросающаяся в глаза внешняя атрибутика строго предписана исходными идейными принципами.

7. *Философские объединения*: Платоновская Академия, Синопские киники. Видимо, Львовско-Варшавская школа, ну и, к примеру, знаменитый Московский методологический кружок, созданный Г.П.Щедровицким.

8. *Филантропические организации* (вроде Армии спасения). Масонские ложи.

9. *Социалистические* (или какая угодно другая) *коммуны*.

Это организации вроде знаменитой «Новой гармонии» Роберта Оуэна, представителя так называемого «утопического социализма», основанной им в Америке. К созданию коммун, как известно, тяготеют и некоторые тоталитарные секты (как, например, получившая известность в постсоветское время секта Виссариона), и неформальные молодежные объединения, вроде хиппи и пр. Коммуна, как идеобаллическое сообщество, отличается определенным своеобразием: ее члены замыкаются в собственном пространстве, пытаясь реализовать свои теоретические принципы в изоляции от остального мира.

В идеологию таких организаций зачастую встроены эсхатологические мотивы. Удаление «от мира» в коммуну мыслится как акт спасения, бегства от павшего миропорядка в мир особых отношений и благого образа жизни. Остальной мир, погрязший в грехе и пороке, неизбежно катится к своему концу. Сущность и психология апокалиптического дискурса описана нами ранее (Сосланд, 2000).

10. *Педагогические течения* (скажем, Вальдорфская школа).

Конечно, в этих случаях речь идет не просто об эффективной педагогической практике, но и об определенной антропологической концепции. Как и в других случаях идеобаллических сообществ, такого рода педагогические системы противопоставляют себя другим – якобы неэффективным, негуманным и пр.

11. Естественно, возможны всякого рода «синтетические» *ИС*. Здесь все сочетается со всем, то есть возможны самые разные сочетания вышеперечисленного.

Теперь о психотерапии

Стремление психотерапии к выходу за пределы собственно терапевтического обихода было давно замечено самыми разными авторами. Обвинение психоанализу в том, что это «не терапия, а новая религия» давно стали общим местом.

Вот как пишет об этом Карл Ясперс: «...Психотерапевт... должен противостоять почти неизбежному стремлению (которое мы наблюдаем на практике) превращать психотерапию в мировоззренческое учение, и формировать из круга, образованного им самим, его учениками и пациентами, общество наподобие религиозной секты» (*Jaspers, 1973, s. 685; перевод наш – А.С.*). И далее он делится соображениями о том, как избавить психотерапию от «стремления» создавать секты, где все группируются вокруг особо почитаемого учителя, «создавать из психотерапии религию» (*там же*).

Приведенный отрывок свидетельствует в пользу того, что «почти неизбежное стремление», о котором идет речь, очень интенсивное. Это, собственно, и есть идеобаллическая мотивация. Сочетание «мировоззренческого учения» и «секты с особо почитаемым учителем» во главе – два основных идеобаллических компонента: учение плюс сообщество. Хорошо известно, что все психотерапии создавались именно в таком режиме, под воздействием *ИМ*.

Научная добросовестность, разумеется, требует здесь разобраться с «недобросовестностью» психотерапевтов, которые так и норовят обрести статус «властителей дум», пророков и реформаторов. Можно прямолинейно и чистосердечно возмущаться (как это делают К.Ясперс и многие другие) этими обстоятельствами, но разумнее, конечно, трезво и критически понять, почему именно так происходит. Причем сетовать на недобросовестность и избыточное честолюбие психотерапевтов явно недостаточно и, главное, бесполезно. Речь идет, конечно, о самой природе психотерапии, которая «нудит» столь интересный способ теоретического поведения.

Психотерапия и Большой проект

В самом деле, зачастую психотерапия мыслит себя как часть некоего крупного проекта по переустройству общества. Эта традиция, как и многое другое в психотерапии, заложена психоанализом. Она начинается с фрейдовских поздних метапсихологических текстов, таких как «Массовая психология и анализ человеческого Я», «Будущее одной иллюзии», «Неудовлетворенность культурой». Психотерапевты имеют претензию (не лишнюю, конечно, определенных оснований) вмешиваться в круг проблем крупного социального пространства, находящегося как бы за пределами их непосредственных профессиональных интересов, в сфере, издавна отданной на откуп философам, социологам и пр. Культуркритический (и куль-

турстроительский) пафос – слишком заметная позиция в структуре психотерапевтического знания, чтобы ее игнорировать.

Большой проект в психотерапии всегда сформирован в духе оппозиции клиента и окружающего мира. Для психотерапевта важно углядеть, что же именно в культуре является большим патогенным фактором.

Мир, в котором живет клиент, выступает поставщиком причин возникновения патологических феноменов. Окружающая индивидуума социальная среда всегда будет «дурной» в зеркале психотерапевтической теории. Терапевт выступает в роли как бы адвоката по отношению к пациенту, и прокурора – по отношению к окружающему его миру. Это он, терапевт, может предъявить счет обществу, которое довело его клиента до отчаяния.

Психотерапии, как мы писали уже раньше (*Сосланд*, 1999), имеют вполне определенную тенденцию в своем развитии. Мы обозначили ее как *доктринальное расширение*. Как уже упоминалось, и это утверждение давно стало общим местом, психоанализ превратился из специального лечебного метода в мировоззренческую систему. Речь здесь идет и о завоевании больших идеологических пространств, и о встраивании философского дискурса – в психотерапевтический.

При таком расширении психотерапевт делает заявку на идеологическое влияние в совершенно иных размерах. Таким образом, терапевтическая, она же школьная, идеология выходит за собственные профессиональные границы. «Неудовлетворенность культурой» сама по себе существенно увеличивает размеры идеологического пространства психотерапии.

Обращаясь к основам общественного устройства, которые, выходит, довели обратившихся к нему пациентов до невроза, психолог порой вполне может иметь в своем портфеле некий проект глобального переустройства общества. Так, К.Хорни прямо обвиняет культуру в том, что она невротизирует личность: «Существуют определенные характерные трудности, неотъемлемо присущие нашей культуре, которые отражаются в виде конфликтов в жизни каждого человека и которые могут приводить к образованию неврозов» (*Хорни*, 1993, с.216). Причину этому она видит в том, что «современная культура экономически основывается на принципе индивидуального соперничества» (*там же*, с.216). Понятно, что подобного рода диагноз обладает определенным предписывающим потенциалом. К сожалению, психология пока не занимает в обществе соответствующего ей статуса, позволяющего психологическим исследованиям перерасти в предписания, законы, правила и проч.

В свою очередь, Э.Фромм описывает картину «дегуманизованного общества 2000-го года» (*Фромм*, 1993, с.239) и предлагает «шаги по гуманизации технологического общества» (*там же*, с.289). Среди главных направлений его проекта – активизация человека и высвобождение его энер-

гии, переход к гуманизированному потреблению, психодуховное обновление (*там же*, с.291-326).

Представители когнитивно-поведенческого подхода тоже весьма интенсивно выступают с культуркритических позиций, причем свою критику они легитимируют эмпирическими исследованиями. Так, в работе, посвященной теме эмоциональных расстройств в современной культуре, мы читаем:

«...В современной культуре существуют достаточно специфические психологические факторы, способствующие росту общего количества переживаемых отрицательных эмоций в виде тоски, страха, агрессии и одновременно затрудняющие их психологическую переработку» (*Холмогорова, Гаранян*, 1999, с.67).

О том, какие это факторы, авторы *высказываются* далее вполне определенно:

«...эмоциональные нарушения тесно связаны с культом успеха и достижений, культом силы и конкурентности, культом рациональности и сдержанности, характерными для нашей современной культуры» (*там же*, с.71).

Все эти соображения связаны, так или иначе, с ориентацией на «большой проект», на перспективу преодоления психотерапией границ лечебных кабинетов и выходом на некий глобальный уровень. Однако этот выход требует и особой организации сообщества, о чем уже шла речь выше.

Как это бывает

Здесь нам хотелось бы изложить и прокомментировать записи Сергея Эйзенштейна, сделанные по следам его бесед со Стефаном Цвейгом, непосредственным свидетелем раннего периода развития психоаналитического сообщества.

«Он очень живо передает ту особую патриархальную атмосферу, которая царит за овальным четверговым столом среди боготворимого профессора и страстных его адептов.

Непередаваемую атмосферу первых шагов открытий, воспринимаемых как откровения. Безудержную ферментацию мыслей от соприкосновения друг с другом. Бурный творческий рост и восторг. Но, не меньше того, и теневую сторону фрески этой новой афинской школы, где новый Платон и Аристотель слиты в подавляющей личности человека с вагнеровским именем» (*Эйзенштейн*, 2002).

Описывая синхронно светлую и теневую стороны, С.Цвейг ясно указывает на неизбежные издержки любой идеобаллической практики. Но дальше описание идет преимущественно в негативном тоне. Идеалы интеллектуальной честности вступают в серьезный конфликт с реальным положением дел.

«Подозрительность и ревность друг к другу адептов. А среди них: Штеккель, Адлер, Юнг.

Еще большая подозрительность к ним со стороны Фрейда.

Подозрительность и ревность тирана.

Беспощадность к тем, кто не тверд в доктрине.

Особенно к тем, кто старается идти своими ответвлениями, в разрезе собственных представлений, не во всем совпадающих с представлениями учителя.

Рост бунта против патриарха-отца.

Ответные обвинения в ренегатстве, в осквернении учения. Отлучение, анафема...» (*Эйзенштейн*, 2002, с.271).

Общеизвестной является трактовка отношений Фрейда с учениками в духе его собственных теорий – как отношений отца с детьми. Напряжение в такого рода сообществе неизбежно переходит в драматическую динамику.

«Эдипов комплекс», так непропорционально и преувеличенно торчащий из учения Фрейда, – в игре страстей внутри самой школы: сыновья, посягающие на отца.

Но, скорее, в ответ на режим и тиранию отца, отца, более похожего на Сатурна, пожирающего своих детей, чем на безобидного супруга Меропы Лайоса – отца Эдипа.

И уже откалываются Адлер и Юнг, уходит Штеккель...

Разве это не неизбежная картина внутренней жизни небольшой группы талантливых фанатиков, группирующихся вокруг носителя учения?» (*там же*).

С.Эйзенштейн легко соотносит примеры из истории психоаналитического круга с известными архетипическими персонажами. В этом контексте мы видим совсем иное сообщество – не научное, разумеется, а совсем иное.

«И разве библейская легенда не права, материализовав в образе Иуды неизбежный призрак подозрений, витающих перед очами создателя учения?

Разве образ этот не менее вечен и бессмертен, чем образ сомневающегося прозелита, желающего все познать на ощупь, всунув пальцы, – в фигуре Фомы неверующего?

А сама обстановка? – И уж не отсюда ли и образ орды, поедающей старшего в роде, неотвязный образ в учении Фрейда?» (*там же*, с.272).

Эйзенштейн высказывает интересную догадку, что сама по себе подобная ситуация ведет к формированию подобных отношений:

«А может быть, сама обстановка его окружения – неизбежное "возрождение" форм поведения, когда бытие поставлено в аналогичную атмосферу замкнутого клана и обстановку почти что родового строя?!» (*там же*).

И вдруг Эйзенштейн понимает, почему именно это положение дел в психоаналитическом сообществе так его волнует. Конечно, такие отношения, такая групповая динамика – вовсе не уникальны для психоанализа, ясно, что они воспроизводят практику всех сообществ подобного рода!

«Конечно, оттого, что я уже с первых строк описания сошел с рельс описания обстановки внутри содружества Фрейда и что я давно уже описываю под этими чужими именами во всем похожую обстановку, из которой я сам выходил на собственную дорогу.

Такой же великий старец в центре.

Такой же бесконечно обаятельный как мастер и коварно злокозненный как человек.

Такая же отмеченность печатью гениальности и такой же трагический разлом и разлад первичной гармонии, как и в глубоко трагической фигуре Фрейда. И как лежит эта печать индивидуальной драмы на всем абрисе его учения!

Такой же круг фанатиков из окружающих его учеников.

Такой же бурный рост индивидуальностей вокруг него.

Такая же нетерпимость к любому признаку самостоятельности.

Такие же методы «духовной инквизиции».

Такое же беспощадное истребление. ...

Отталкивание.

Отлучение тех, кто провинился лишь в том, что дал заговорить в себе собственному голосу...» (*там же*).

Речь идет о театре В.Мейерхольда, в котором Эйзенштейн работал до того, как выйти на самостоятельный путь. Впрочем, неважно, что именно он имел в виду.

Идеобаллическое сообщество демонстрирует закономерности своего существования и развития вне зависимости от того, каков конкретно предмет его деятельности. Иначе говоря, идеобаллия живет в разных содержательных сферах.

Конечно, описанное Эйзенштейном положение в раннем психоаналитическом сообществе в современных психотерапевтических школах воспроизводится разве что отчасти. С тем, что было описано выше, мы имеем дело разве что как с некими следами. Теперь мы сталкиваемся чаще с совсем иными регуляторами жизни в профессиональном сообществе. Тем не менее, сам факт, что психотерапевтическое сообщество по-прежнему в значительной степени разделено на школы, свидетельствует о живучести описанных здесь обстоятельств.

Трансформация профессионального сообщества

Если посмотреть на ситуацию в психотерапевтическом мире последнего времени, то трудно не заметить разительных перемен. Они давно стали предметом широкого обсуждения (см. например, «*Психотерапия – новая наука о человеке*», 1999). Исходная форма существования психотерапевтического сообщества в виде разрозненных школ испытывает серьезный и уже сравнительно длительный системный кризис. Каковы же те факторы, которые изменяют психотерапевтический мир?

1. Формирование «надшкольных» институтов.

Объединения психотерапевтов, соединяющие разные подходы, стали формироваться еще до второй мировой войны. Международные ассоциации могли создаваться как в границах одной страны, так и по интернациональному признаку. Всемирная ассоциация психотерапии, созданная в тридцатых годах XX века, занималась преимущественно научными вопросами. В отличие от нее, созданная в девяностых Европейская ассоциация психотерапии (и Всемирный совет по психотерапии) поставила перед собой

намного более широкие цели – связанные, в первую очередь, с вопросами профессиональной политики, сертифицирования, общественного признания психотерапии и проч. Все это обеспечило ей повсеместно широкое признание (см. «*Психотерапия ...*», 1999). Постоянный диалог школ, осознание общих интересов представителей разных подходов разрушили старый режим функционирования психотерапии. Большинство психотерапевтов признает себя теперь сторонниками одновременно разных подходов. Параллельно с этим появился запрос на создание надшкольных теорий, на «общую психотерапию» (см. *Grawe et al.*, 1994; 1995).

2. Влияние университетской науки.

Психотерапия развивалась, а в значительной степени развивается и теперь, в рамках частных институтов, по большей части независимых от структур высшего образования. Карьерные критерии в психотерапии и университетской науке чаще всего не совпадали. В психотерапии осуществлялось сертифицирование по результатам обучающих программ, где главный упор шел на собственный клиентский опыт и супервизию. В университетской карьере были востребованы, наоборот, публикации и диссертации, получить же систематическое психотерапевтическое образование не представлялось возможным.

Однако университетское влияние становится все более и более ощутимым. На психологических и медицинских факультетах Европы и других континентов психотерапия занимает все больше места, как в образовательных, так и в научно-исследовательских программах. Университеты с их традиционно прагматическими установками, разумеется, ориентированы только на признанные методы, прошедшие проверку в рамках строго контролируемых исследований. Существенная часть психотерапевтической жизни

проходит теперь уже не только в «школьных» институтах, но и исследовательских центрах, ориентированных в первую очередь на университетскую науку. Существуют, однако, уже примеры рождения новых психотерапий в рамках университетских клиник (один из них – кататимно-имагинативная психотерапия, или символ-драма, Карлхайнца Лойнера; см. *Обухов, 1999*). Сегодня, в период кризиса традиционного способа организации психотерапевтического сообщества – школьной формы – следует предположить, что университеты также смогут взять на себя те функции, традиционно принадлежавшие частным институтам, закрепленным за психотерапевтическими школами. Ну и порой мы видим примеры, когда университетские структуры становятся источником идеобаллического движения. Создатели новых методов иногда активно формируют и выращивают официальные учебные подразделения, жертвуя много времени на административные и представительские обязанности. Они прекрасно понимают, что факультеты и кафедры в нынешней ситуации могут сыграть роль, аналогичную той, что в свое время играли школы.

3. Борьба за общественное признание и государственное финансирование.

Легитимация психотерапевтической практики в первую очередь связана с доказательствами ее эффективности. Длительное существование в рамках частных институтов, изолированных друг от друга школ привело к развитию многих методов, последствия применения которых остаются не вполне ясными. Встраивание психотерапии в систему социальной помощи ведет к необходимости серьезной проработки всех аспектов, связанных с

эффективностью применяемых методов, их экспериментальной верификацией и т.д.

К сожалению, многие годы исследований в этой области привели к выводу, который известен и без исследований: «психотерапия – лучше, чем ничего». В том, что касается преимущества отдельных школ над другими, никакой ясности нет, и, видимо, ясность не предвидится и в ближайшем будущем. По отдельным клиническим разделам разные методы демонстрируют незначительное преимущество, но в целом они сравнимы по своей эффективности (Калмыкова, Кехеле, 2000). *Парадокс эквивиальности (там же, с.16)* – приблизительно одинаковой эффективности разных методов, разительно отличающихся друг от друга по теоретическим и техническим параметрам, – остается главной проблемой психотерапии. Вместе с тем, этот феномен должен вроде бы приводить нас к следующему выводу: если так много методов, чья эффективность все еще нуждается в проверке, то новые уж точно окажутся лишними. Одним словом, в последние годы возникло слишком много тенденций, ослабляющих или обесмысливающих исконное заветное желание психотерапевта: во что бы то ни стало создать свой, новый метод, а при удачном стечении обстоятельств – и школу.

Но желания сильнее разума

Несмотря на все эти тенденции и проекты, процессы формирования новых методов все же продолжают происходить. Здесь и там, открывая специализированные журналы, мы наталкиваемся на описания неких новых психотерапий. Чаще всего вокруг них не формируется новых школ большого формата, речь идет о мелких группах, или просто отдельных авторах. Видимо, порой самое заметное отличие нового метода от уже известных – название, не более того. Тем не менее психотерапевт считает свою жизнь в науке прожитой напрасно, если ему не удастся создать новой психотерапии. В любом случае, как и в других областях, затронутых в этой статье, речь идет об одном и том же. Это – ни с чем не сравнимое *счастье быть источником...*

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев В.А. Взаимодействие социокультурных и личностных факторов научной деятельности: методологический анализ. Автореф. дисс. канд. филос. наук. М., 2001.
- Бодрийар Ж. Соблазн. Пер. с франц. М.: Ad Marginem, 2000.
- Зорин А. Идеология и семиотика в интерпретации Клиффорда Гирца // Новое литературное обозрение, 1998, № 1 (№ 29), с.39-54.
- Калмыкова Е.С., Кехеле Х. Психотерапия как объект научного исследования // Основные направления, современной психотерапии. – М.: Когито-центр, 2000.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Пер. с франц. СПб.: Алетейя, 1998.
- Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. – М.: Наука, 1972, с.28-94.
- Обухов Я.Л. Символдрама и современный психоанализ. Сборник статей. – Харьков: Регион-информ, 1999.

- Психотерапия – новая наука о человеке: Пер. с нем. – Екатеринбург: «Деловая книга», М.: «Академический проект», 1999.
- Сосланд А.И. Харизматическая личность в психотерапии // Московский психотерапевтический журнал, 1997, № 3, с.152-191.
- Сосланд А.И. Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или Как создать свою школу в психотерапии. М.: Логос, 1999.
- Сосланд А.И. Удовольствие от Апокалипсиса, Логос, 2000, № 3-4, с.108-115.
- Фромм Э. Психоанализ и этика: Пер. с англ. – М.: Республика, 1993.
- Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Эмоциональные расстройства и современная культура // Московский психотерапевтический журнал, № 2, 1999, с.61-90.
- Хорни К. Невротическая личность нашего времени; Самоанализ: Пер. с англ. – М.: Прогресс-Универс, 1993.
- Эйзенштейн С. М. Психологические вопросы искусства / Под ред. Е.Я.Басина. – М.: Смысл, 2002.
- Eagleton T. Ideology: An Introduction. L., 1991. P.1-2.
- Grawe K., Donati R., Bernauer F. Psychotherapie im Wandel – Von der Konfession zur Profession. Hogrefe, Goettingen, 1994.
- Grawe K. Grundriss einer Allgemeinen Psychotherapie. Psychotherapeut, 1995, 40: 129-145.
- Jaspers K. Allgemeine Psychopathologie, 9 Aufl., Springer, Berlin, 1973.